

И есть несомненный резон в нынешнем обильном употреблении этого понятия исподволь иметь в виду и различать-угадывать его (издавна близкие нам) семантические корни.

Причём впрямую, явно и отчётливо эта связь прежних смыслов с современными разнонаправленными профессионально-терминологическими представлениями о рисках чаще всего не прослеживается, но может, главным образом, присутствовать скрыто и неосознанно. Вовсе не исключено, что связь эта в состоянии рефлекторно, подсознательно проступать в самом процессе жизненно важных отношений, забот, действий, экспериментов, требующих сосредоточения и проявления огромной физической и интеллектуальной энергии.

Отблески и отголоски традиционного понимания рисков могут обнаруживаться и чаще всего непредусмотренно проявляются:

– в психологически трудных ситуациях ответственного выбора («что чему предпочесть? И так плохо, и эдак нехорошо!», «кто знает, где правда зарыта?!»);

– в многочисленных действиях наудачу («сложно сказать! ну да ладно! что будет, то будет! была не была!», «не впервой! где наша не пропадала! как-нибудь прорвёмся!»);

– в отношениях специалистов разного профиля к неожиданным обнаружениям аномалий в постижении своего предмета, объекта, материала, к непредусмотренным ситуациям и положениям, к неустойчивым системам, чреватых рисками.

Тем более важно помнить об укорененном в повседневной отечественной филологической культуре и практике смысловом диапазоне понятия «риск» и производных от него. Речь идёт о возможности и даже необходимости поправок (порой весьма существенных) на вероятные субъективные факторы, возникающие (в работе,

в политике, в быту, в личной жизни и т. д.) по ходу осмысления внезапных, незапланированных отклонений от ожидаемого и прогнозируемого. Наша непосредственная реакция на риски может быть понята в сложном ореоле эмоционально-экспрессивных значений, предопределённых давними и по-прежнему актуальными национально-культурными традициями.

Примечания

- 1 Теория нечетких множеств, создавшая новые возможности для математического моделирования человеческого мышления, сложных гуманитарных систем, была разработана в середине 1960-х гг. выдающимся американским математиком азербайджанского происхождения Лютфи Рахим Али Аскер оглы Заде (Лютфи Заде).
- 2 Познер В. Прощание с иллюзиями. М., 2012. С. 163.
- 3 См.: Бобров С. Из магнитофонной записи его беседы с В. Д. Дувакиным // Осип и Надежда Мандельштамы. М., 2002. С. 201–202.
- 4 Прозоров В. «Обычай мудрости храня...» О ТЮЗе Киселёва. М., 2000. С. 23–24.
- 5 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1980. Т. 1. С. 96.
- 6 Ср. рассуждения помещика Бориса Борисовича Симеонова-Пищика в действии первом комедии А. П. Чехова «Вишнёвый сад» (1903): «Не теряю никогда надежды. Вот, думаю, уж всё пропало, погиб, ан глядь, – железная дорога по моей земле прошла, и ... мне заплатили. А там, глядь, ещё чего-нибудь случится не сегодня-завтра...»
- 7 См.: Даль В. И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа : в 2 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 221–224.
- 8 Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 5. С. 302. Далее все ссылки даются на это издание с указанием страниц тексте.

УДК [070:351.751.5](470+571)]18

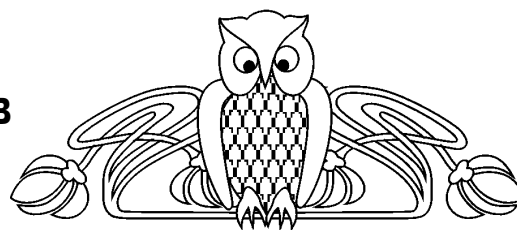
ФАКТОРЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И РИСКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ ЖУРНАЛИСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

А. А. Демченко

Саратовский государственный университет
E-mail: adema4@yandex.ru

Рассматриваются обстоятельства работы журналистов, создающие ситуации неопределенности и риска в их профессиональной деятельности: вмешательство цензуры, взаимоотношения с цензорами и другими представителями власти. Уделено внимание попыткам журналистов воздействовать на ход подготовки цензурного устава 1862 г.

Ключевые слова: журналистика, статья, цензор, надзор, власть, риск, иносказания, реформа, общественное мнение, архив.

Factors of Ambiguity and Risk in the Professional Activity of Russian Journalists in the Second Part of XIX Century

A. A. Demchenko

The article considers the conditions of the journalists' work which form the situations of ambiguity and risk in their professional activity: the interference of censorship, relationships with censors and other authority representatives. The attention is given to the journalists' attempts to influence the process of preparation of Censorial Regulations of 1862.

Key words: periodicals, article, censor, supervision, power, risk, allegory, reform, public opinion, archives.

В каждую из эпох русской государственности укоренившаяся мысль о журналистике как выразителе общественного мнения получала свое преломление в зависимости от условий существования книжно-журнального дела. С середины XIX в., как и в предыдущие десятилетия, эти условия определялись состоянием цензуры, олицетворявшей самодержавную власть. Судьба публикации кристаллизировалась в сложных взаимоотношениях автора, издателя, цензуры и читателя. Всякого рода отклонения от официоза создавали для автора с его произведениями ситуации неопределенности и риска. Монаршая характеристика А. Н. Радищева «бунтовщик хуже Пугачева», поставившая печатное слово в параллель с опасениями ниспровержения существующих государственных порядков, с XVIII в. подспудно определяла положение русского литератора в его соприкосновениях с властями.

Приставленные к литературе государственные чины всегда тщательно следили за состоянием журналистики, вполне осознавая ее роль в сфере общественной деятельности. Показательна, например, оценка состояния и значения периодической печати министром народного просвещения А. В. Головниным, известным своею близостью к либеральным идеям¹, в записке, доложенной Совету министров 26 февраля 1862 г. (Александр II представлено 1 марта). По данным министерства, в России числилось 280 contemporaneous изданий, из которых 16, по заверению министра, «более или менее имеют влияние на общество» – это ««Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русский инвалид», «Северная пчела», «Petersburger Zeitung», «Библиотека для чтения», «Современник», «Отечественные записки», «Русский вестник», «Наше Время», «Время» «Сын Отечества», «Русское слово», «День» и даже иногда «Иллюстрация» и «Искра»». На русском языке издавалось 234 журнала и газеты, у газет было около 10 тыс. подписчиков, «если журнал имеет 6 или 7 т. подписчиков, то полагается, что он идет очень хорошо», и, подытоживая министр, «число читателей уже вообще незначительно и не превосходит несколько сот тысяч». Отсюда следовал вывод: «Наши журналы и газеты еще не могут иметь того огромного влияния, которое составляет их силу в других государствах, где они являются властью, которую правительства должны принимать в расчет при своих действиях», хотя и у нас «в так называемом образованном обществе они имеют влияние преимущественно на молодых людей, которые редко обсуждают справедливость или неосновательность воззрений, встречаемых ими в печати». По заверению автора доклада, «число главных писателей в наших влиятельных журналах и газетах доходит до 50», однако «страсть к чтению развивается во всех слоях общества и особенно в народе весьма быстро, и не пройдет 10 лет, когда число читателей увеличится весьма

значительно», и «тогда мы увидим настоящую силу и независимость журналов»².

Приведем свидетельство еще одного крупного административного деятеля, причастного к решению многих государственных, а также и общественных вопросов. Речь идет о князе А. А. Суворове, внуке полководца³, члене Государственного совета, генерал-губернаторе Санкт-Петербурга в 1861–1866 гг., пользовавшемся дружеским расположением Александра II и популярностью в передовых литературных кругах, поскольку «проводил политику доброты и умерения строгости закона и произвола администрации»⁴. В апреле 1862 г. из канцелярии А. А. Суворова поступила в адрес министерства народного просвещения просьба о безвозмездной передаче ряда журналов и газет. Просьбе предшествовала обращающая на себя внимание характеристика влияния журналистики на современную жизнь: «...Русская литература сделалась до такой степени уже деятельным и полезным органом общественной жизни, что ни одно из ее заявлений о нуждах и потребностях общества не должно быть оставляемо без внимания в том убеждении, что Правительство при основательной критике литературных мнений и отзывов всегда извлечет из них положительную пользу»⁵. Бумагу министр А. В. Головнин переадресовал председателю С.-Петербургского цензурного комитета Н. В. Медему, и тот заручился согласием 17 редакторов за их личной подписью от 10 апреля 1862 г.⁶

В приведенной выше записке А. В. Головнина⁷ указывалось на неудовлетворительность существующих цензурных правил, излишней строгостью вынуждавших журналистов говорить «условным языком, и читатель, – со знанием дела утверждал министр, – весьма хорошо понимал то, чего не видела одна цензура. Сильное стеснение свободы изощряло способность говорить иносказательно и в то же время озлобляло писателей»⁸.

Заявление высшего чиновника о реакции журналистов на «сильное стеснение свободы» подтверждается примерами из истории журналов.

Правительственные преобразования цензуры в сторону ее ужесточения начались в 1860 г., расшатывая и без того неустойчивую основу авторской независимости и затрагивая, таким образом, жизненные интересы русских журналистов. Во «Всеподданнейшей докладной записке» от 9 января этого года тогдашнего министра народного просвещения Е. П. Ковалевского говорилось: «Быстрое распространение в последнее время произведений литературы, особенно периодических изданий, и замечаемые в них уклонения обратили на себя особое внимание Вашего Императорского Величества, вследствие чего благоугодно было Вам Высочайше повелеть мне представить соображения об усилении наблюдения за книгопечатанием в России»⁹.

Хорошо осведомленный И. С. Тургенев писал А. А. Фету в феврале 1860 г.: «Цензурные здесь

дела нехороши: ветер опять задул с севера»¹⁰. Одного из начинающих сотрудников И. И. Панаев предупреждал в самом начале шестидесятых годов о предстоящей «страшной борьбе» с цензорами, они «не только вычеркивают из учебников имена великих людей, республиканцев Рима и Греции, но не позволяют даже писать в поваренных книгах о тех кушаньях, которые следует готовить в вольном духе»¹¹.

От возросшей с 1860 г. придирчивости Главного управления цензуры не было застраховано ни одно периодическое издание, а не только передовые журналы «Современник» и «Русское слово», которым исследователи истории русской литературы обычно уделяют основное внимание¹². При этом предупреждения и выговоры получали не только литераторы, но и наблюдающие за ними цензоры, оказывавшиеся, таким образом, затянутыми в ту же паутину неопределенности и риска. Таково неизбежное следствие нелепо сложившихся отношений участников создания печатного слова в условиях его несвободы.

В марте 1860 г. «Московским ведомостям» было отказано в помещении статьи М. Е. Салтыкова-Щедрина «Скрежет зубовный» с общим заключением – «за описание злоупотреблений помещичьей власти». 24 марта член Главного управления цензуры А. А. Берте сформулировал содержание запрета: «Тем более в настоящее время нельзя предавать гласности действия помещиков, когда разрешение крестьянского вопроса требует строгой осторожности со стороны цензуры». Другой член Главного управления цензуры Н. А. Муханов дополнил: «Так как в ней излагается не разрешенное еще уголовное дело и обнародовываются важные злоупотребления, не доказанные доселе по суду»¹³. В том же марте 1860 г. И. В. Вернадский получил предупреждение за напечатание в своем «Экономическом указателе» (№ 166) в рубрике «Открытые вопросы» следующей фразы: «Почему то, что признается преступлением в Париже, имеет силу закона в Петербурге?». Н. А. Муханов заметил цензору журнала А. Ярославцеву, что «подобного вопроса, выражающего некоторое порицание законодательства нашего, не следовало цензуре пропускать»¹⁴. В августе за напечатание в «Северной пчеле» (№ 172) статьи, в которой по поводу итальянских событий «рассуждается о том, что старые династии не могут усвоить новых идей и потребностей, и в доказательство сего приводятся факты из истории Англии и Франции», тот же Н. А. Муханов объявил цензору Е. Е. Волкову «строжайший выговор за настоящее его упущение», а редактору последовало предостережение о запрещении издания, если здесь «впредь будут помещаемы подобные предосудительные статьи»¹⁵. Редактор «Русского инвалида» П. С. Лебедев в октябре обратился с письмом в высшее цензурное ведомство «о безвыходном положении, в которое поставлены в настоящее время ежедневные периодические

издания вследствие распоряжений цензуры»¹⁶. Даже Н. Ф. Павлову, ревностному пропагандисту официоза, в апреле того же 1860 г. пришлось пожаловаться на неоправданное запрещение Московским цензурным комитетом статьи К. Арсеньева «Обличительная литература и ее обязанность» на основании «недопущения к печати суждений, касающихся гласности судопроизводства и обличительной литературы». По духу и направлению своему, как справедливо уверял редактор «Нашего времени», эта статья «ни в каком случае не может быть признана неблагонамеренною». Однако член Главного управления А. Г. Тройницкий, хотя и был уверен в безусловной благонамеренности газеты Н. Ф. Павлова, подтвердил 7 мая 1860 г. правильность замечания комитета. Статью он все же разрешил к печати, но лишь с условием изменения некоторых мест. Теперь судопроизводство названо не «гласным», а «улучшенным», во фразе «газеты и журналы *добросовестно и верно* обсуждали действия лиц» выделенные слова заменены на «подробно»¹⁷. Вскоре Н. Ф. Павлов написал официальную жалобу на пристрастные замечания Московского цензурного комитета и в особенности цензора Я. Прибиля, который, к примеру, «вместо «присутствие разума» поставил «рациональность». Прилагательное «разумные», почему-то особенно ему неприятное, – продолжал Н. Ф. Павлов, – он вычеркнул во всех местах статьи». К тому же Я. Прибиль задерживал корректуры, возвращая их часто ночью, уже накануне выхода номера, и с помарками, «которые, – жаловался редактор, – человеческий ум не в состоянии предвидеть», «газета моя не представляет ничего анархического, ничего, за что можно бы было наслать на нее такое божеское наказание». Поначалу Главное управление нашло делаемые Я. Прибилем исправления «маловажными»: в них «нельзя не признать особенного стеснения». Однако предложение председателя Московского цензурного комитета М. П. Щербинина цензурировать статьи «Нашего времени» в Петербурге, а не в Москве Главным управлением было отклонено¹⁸. Один из летних выпусков «Нашего времени» содержал редакционное примечание, явно намекающее на цензурные затруднения: «Этот номер газеты не вышел в свое время по причинам, от редакции не зависящим»¹⁹. Протесты Н. Ф. Павлова, последовавшие в марте 1861 г., и вовсе оставлены без последствий, действия же Московского цензурного комитета признаны «правильными»²⁰. Я. Прибиль оставался цензором «Нашего времени» и в 1861, и в следующем году.

В октябре 1860 г. после неоднократных замечаний «за упущения» цензор А. Ярославцев, наблюдавший за «Русским словом», был уволен, редактору же объявлено, что журнал «неминуемо подвергнется запрещению»²¹.

В августе 1860 г. Н. Г. Чернышевский писал Н. А. Добролюбову о «цензурной невзгоде», «гонении» на «Современник». Имелось в виду также,

насколько определенность положения журнала зависит от личных качеств цензора. «Думаем переменить цензора, – сообщал он три месяца спустя, подразумевая Ф. И. Рахманинова, приставленного к журналу с весны 1860 г.²². – Рахманинов воображает себя порядочным человеком, но он глупая скотина. Напрасно Вы с Некрасовым защищали его прежде <...> Толкуют, что Медема²³ хотят сменить, потому что уж сами видят чрезмерность его глупостей. Посмотрим, сменят ли, а кем бы ни заменили, хуже не будет». С января 1861 г. цензором «Современника» вновь стал В. Н. Бекетов, «потому для нас гораздо легче прежнего, – писал Н. Г. Чернышевский Н. А. Добролюбову. – Но вообще цензурное положение – прежнее»²⁴.

Член Главного управления цензуры барон Н. В. Медем был назначен председателем С.-Петербургского цензурного комитета 25 января 1860 г.²⁵ Время его правления вошло в историю русской литературы как одно из самых мрачных, и особенно доставалось от него «Современнику». 20 января 1861 г. Н. В. Медем разработал подробную инструкцию для своих подопечных, касающуюся политических отделов журналов. Наставление открывалось следующим безапелляционным заявлением: «Что в нашей журналистике преобладает направление предосудительное, в особенности по предметам политическим, в том не может быть сомнения, и, убежден автор, «нужно было бы возвратиться к самым строгим цензурным постановлениям, какие когда-либо существовали», а именно «нужно было бы не только запретить всякие рассуждения о либеральных мыслях и всякие объяснения политического устройства европейских государств, но не допускать даже сообщения большей части заграничных происшествий»²⁶.

Последствия сказались незамедлительно. Например, в марте 1861 г. редактор «Экономического указателя» И. В. Вернадский в официальной записке высказал недовольство цензурными запрещениями или изменениями, «делающими почти невозможным дальнейшее издание специального журнала без искажения направления и без нарушения обещаний, данных публике редакцией с дозволения правительства». Его просьбу восстановить перечисленные им места статей оставили без внимания²⁷. Редактор «Военного сборника» вспоминал, как в 1861 г. цензор К. С. Оберт в статье «Очерк вооруженных сил Швейцарии» «всюду слово конституция заменил словом положение», а в другой статье «вычеркнул описание политического устройства Дании, без чего не имело смысла и описание вооруженных сил Дании, между тем политическое устройство Дании свободно рассказывалось во всех учебниках географии»²⁸.

Свод многостраничных записок А. А. Берте и Н. В. Медема пополнился еще одним документом, составленным членом Главного управления цензуры О. Пржецлавским 22 октября 1861 г. Смысл его предложений сводился к тому, чтобы в какой-то

мере снять с цензоров ответственность за пропуск статей, определявших направление журнала. Это направление «в разных видах и под неуловимыми формами будет беспрестанно прокрадываться в печати помимо всей тщательности самых даже опытных цензоров», – уверял он. По его мнению, суждение о направлении периодического издания, рассматриваемого «не в отдельных выпусках, а за целые периоды времени», должно выноситься только членами Главного управления²⁹. Ограничение полномочий цензоров не получило практического применения.

Надежды журналистики на послабление цензуры получили яркое выражение в особой коллективной записке московских и петербургских литераторов³⁰. Она не была поддержана в высших сферах. Однако нельзя сказать, чтобы воплощенные в записке предложения к переменам не имели никакого резонанса. Пусть косвенно, но она содействовала движению в цензурном ведомстве. Своеобразным дополнением к записке можно считать опубликование в «Современнике» двух статей – П. П. Пекарского «Журналистика во Франции до первой революции» (1861. № 3, 5) и А. Н. Пыпина «Новые исследования о французской литературе XVIII века» (1861. № 9, 12). Первая представляла собой краткое изложение пятитомного труда Е. Гатэна «История политической литературы и французской прессы». И хотя П. П. Пекарский сетовал, что автор скуп «на данные для знакомства с направлением и образом мыслей редакторов и издателей разных журналов», тем не менее, провел заключение, что «во Франции журналистика успела привиться к нравам целой нации до такой степени, что журнал уже считается общественной потребностью, как насущный хлеб, без которого обойтись нет возможности»³¹. Прослежена полная драматизма журналистская судьба адвоката Линге, настроенного радикально по отношению к монархии. В тон П. П. Пекарскому А. Н. Пыпин также отметил, что «некоторые из идей, выработанных французской литературой того времени, приобрели такое значение для целой европейской жизни, что даже для нас, – которые дальше всех стояли от этого движения, – они часто имеют характер нашего собственного опыта»³².

Осознавая назревшую неизбежность пересмотра цензурных установлений, новоназначенный министр народного просвещения А. В. Головнин в своем докладе от 26 февраля 1862 г. выдвинул предложения, определявшие, в сущности, судьбу журналистики и, соответственно, литераторов-журналистов на годы. В основу была положена идея замены существующей предупредительной цензуры цензурой карательной. Несмотря на пугающее название, дело шло к известному смягчению требований. В отношении к литературе, по мысли министра, назначались цензурные действия, чтобы «мерами, слишком строгими, не обратить ее в учреждение правительственное, а ее деятелей в правительственных агентов, но оставить вы-

ражением мыслей и желаний, существующих в обществе, лишив только лиц злонамеренных возможности употреблять печатное слово как орудие для нанесения вреда и государственному устройству, и частным лицам»³³.

«Карательный» характер цензуры выражался в создании системы наказаний, осуществляемых не исключительно цензурой, а через особый комитет, «от правительства и по выбору от литераторов», в обязанности которого входило бы судебное разбирательство всех конфликтных случаев, возбуждаемых цензурой или журналистами.

Непосредственным предшественником этой идеи выступил бывший министр народного просвещения граф Е. В. Путятин в записке «О средствах к более успешному достижению цели учреждения цензуры» (ноябрь 1861 г.). Карательные предложения сводились к взиманию денежного залога и штрафов с издателей и журналистов³⁴.

Заменив Главное управление цензуры «Комиссией по делам книгопечатания», император возложил верховное цензурное наблюдение на министерство внутренних дел, а за министерством народного просвещения оставил исполнение общей цензуры. Председателю комиссии Д. А. Оболенскому предоставили право «приглашать к участию в занятиях гг. литераторов и редакторов периодических изданий», и вопросы, «по коим признано будет полезным знать подробно разные мнения гг. писателей», разрешено предлагать на обсуждение в журналах, дабы «приготовить общественное мнение к правильному разумению силы и значения новой системы законодательства о книгопечатании»³⁵.

Журналы живо откликнулись на эти решения. Материалы появившихся публикаций пока мало исследованы. И хотя они не меняют уже известных общих выводов, однако сообщение подробностей и деталей обсуждения переломной страницы в истории русской журналистики существенно расширяет представление о том воодушевлении, которое охватило журнальных деятелей в их стремлении наконец преодолеть вьевшуюся в плоть и кровь абсолютную зависимость от всевластной цензуры. Рассмотрим отклики трех ведущих столичных журналов – «Современника», «Библиотеки для чтения» и «Отечественных записок»³⁶.

В «Современнике» выступили Н. Л. Тиблен, Н. Г. Чернышевский, П. П. Пекарский и А. Н. Пыпин. Статьи первых трех помещены в одном номере журнала (1862. № 3) и были немедленно «оценены» цензорами. Стражи печати нашли в них значительные «цензурные упущения», и 30 апреля 1862 г. министр внутренних дел направил секретное предписание за № 52 министру народного просвещения с подробным разбором связанных по содержанию статей Н. Л. Тиблена «По делу о преобразовании цензуры (Письмо в редакцию)», Н. Г. Чернышевского «Французские законы по делам книгопечатания» и

П. П. Пекарского «Журналистика во Франции во время консульства и империи». В первой статье внимание цензурных церберов задержалось на рассуждении «об освобождении от всякой ответственности авторов по довольно странному предположению, – пишет П. А. Валуев, – что они во время сочинения логическою последовательностью мысли могут быть увлечены за пределы, указанные распоряжением правительства». Цензором уловлено не самое главное из аргументации Н. Л. Тиблена, но суть дела изложена верно: автор вел к мысли о предоставлении печати полной свободы.

О статье Н. Г. Чернышевского читаем: «После чрезвычайно натянутой попытки доказать, что книгопечатание, как и всякое другое ремесло, может вообще обойтись без специальных законов и управляться одними общими, автор находит, что для государств, где эта специальность признавалась бы нужною, французское законодательство представляет самый полный пример». Затем, указывая цензор, в статье цитируются тексты важнейших постановлений во Франции о печати с 1814 г. и составляется «ряд комментариев, довольно искусно подобранных к основной мысли автора, заключающейся в том, что каждому из различных правлений Франции (кроме Республики, когда не было цензуры) общественное мнение было противно, что к каждому из них большинство народа питало враждебное чувство и что поэтому каждое имело необходимость стеснять все более и более выражение общественной мысли. Прийдя к этому общему выводу, – писал цензор, – автор оправдывается, что не будет разбирать теперь вопрос, до какой степени нужны были бы у нас специальные законы по делам печати, и оканчивает так: мы опасаемся, что добросовестное исследование привело бы к ответу: да, они нужны». Разбор статьи Н. Г. Чернышевского завершается достаточно проницательным замечанием: «По соображении этого с предыдущим заключение вытекает само собою, и ответ на вопрос, почему автор так думает, очень прост, именно, что цензура нужна у нас для того, чтобы не давать высказываться общественному мнению, неблагоприятному будто бы для правительства».

В статье П. П. Пекарского «подробно и в резких чертах описаны меры, которые принимал Наполеон I к подавлению всякого выражения общественной мысли, высказана безуспешность этих мер и пагубные их последствия для него же самого».

Все три статьи, заключал П. А. Валуев, «взаимно объясняются и дополняются», «сопоставление их в одном номере не есть дело случайности». Изложенные в них факты французской истории «весьма близко подходят к современным обстоятельствам России», и они возбуждают в читателе «чувства неудовольствия и дух порицания прямо противу наших правительственных действий, <...> если не выражения, то мысль и направление

означенных статей противны ныне действующим цензурным постановлениям».

Министр народного просвещения приказал напечатать текст валуевского документа (состоялось 9 мая 1862 г.) и сообщить его «гг. цензорам к руководству и прочесть оное гг. редакторам журналов и газет»³⁷.

В статье Н. Л. Тиблена основным посылом служит убеждение: «Цензура есть не естественное, а искусственное явление государственной жизни». Рассуждения о взаимоотношениях власти и литератора в условиях «карательной» цензуры подводят читателя к выводу, что существенных изменений в судьбе автора не произойдет, что карательные меры – наложенный штраф, запрещение печатать или арест – ведут к одному результату: «литература и наука лишаются одного деятеля; правительство, постоянно заботящееся о развитии просвещения в государстве, одного из своих помощников <...>. Если же деятельность таких лиц часто и неожиданно прекращается по распоряжению правительства, то преемники их, очень понятно, вперед уже обещают себя на риск, который несут»³⁸.

Из статьи П. П. Пекарского для нашей темы важно привести процитированное им письмо 1809 г. известного французского общественного деятеля Фелье: «Никогда государь не имел такой настоятельной потребности знать общественное мнение, как в настоящую минуту; никогда также и писатель не имел нужды в неустрашимости, чтобы высказать это мнение <...> Все газеты теперь на один лад, потому что всемогущая рука полиции одинаково дает себя чувствовать всем, потому что нападает страх равно на всех, кто сотрудничает в журналах <...> Огорчаясь, что управление общественным мнением вверено таким людям, которые более всего опасались его, почему только и старались о том, чтобы души его, я вперед видел, что им удастся убить это мнение в книгах и журналах, но что они не в состоянии будут понять, что тем самым оно скорее будет расположено к восстанию против правительства»³⁹.

Несмотря на строгое предупреждение от 9 мая 1862 г., последовавшее после ознакомления редакторов газет и журналов с валуевскими выговорами «Современнику», в этом журнале спустя всего полгода появляется статья А. Н. Пыпина «Процессы о печати в Австрии», в которой напрямую выражена преемственность с осужденной цензурой статьей Н. Г. Чернышевского «Французские законы по делам книгопечатания»: «Эти законы именно послужили образцами для многих других законодательств, имеющих теперь силу в разных государствах Западной Европы»⁴⁰.

Несмотря на цензурный окрик, Н. Л. Тиблен и А. Н. Пыпин продолжили публикацию своих мнений, однако выводя журнал из зоны риска. Статья Н. Л. Тиблена «Несколько слов по поводу «Заметки», помещенной в октябрьской книжке «Русского вестника» за 1862 г., встраивается в полемическую, которую «Русский вестник» воинственно

вел против «нигилистов», якобы возглавляемых «Современником». Чтобы не навлечь на свой журнал цензурного гнева, Н. Л. Тиблен осторожен в оценке обсуждаемой реформы в книгопечатании, включая ее в ряд преобразований, начавшихся после отмены крепостного права в судостроительстве и судопроизводстве, в создании земских учреждений, в полиции, в податной системе и т. д. И лишь позволил себе заметить, что само общество вполне способно позаботиться о печатном слове, которое до сих пор находилось под покровительством цензуры «в снисходительном ограждении его от разного рода излишеств». Н. Л. Тиблен искусно обыгрывает соглашательскую позицию «Русского вестника». Говоря о литературе, до такой степени приучившей публику «читать между строками, что не было темного намека, который оставался бы для нее тайною, не было полуслова, которого она не прочла бы всеми буквами», автор, иронизируя, приводит примеры из «Русского вестника»: «Прошаживался ли, например, “Русский вестник” насчет Австрии – публика знала, что это хоть и не опечатка, однако нечто вроде опечатки; восхвалял ли “Русский вестник” австрийского министра Брука – публика понимала, что это значит: посмотрим, дескать, что-то у нас делается... Одна цензура ничего не понимала». Автор статьи готов порадоваться вместе с «Русским вестником» и его публицистом С. С. Громекой скорой победе над иносказанием, которое придавало интерес и силу одним нигилистам. «Будем ожидать», – язвительно заключает свою статью Н. Л. Тиблен⁴¹.

Завершая статью «Процессы печати в Австрии», А. Н. Пыпин рассматривает шумевший процесс издания «Народных листов», и на фоне критики австрийских порядков, при которых «журналы действительно исполняют только то, что им было положительно разрешено и дозволено»⁴², обсуждаемые в России новые правила книгопечатания выглядят некоей положительной стороной, по крайней мере, в их намерениях.

Одновременно с «Современником» в 1862 г. с большой статьей «О преобразовании цензурного управления» выступил в «Библиотеке для чтения» С. Н. Челищев. Он не разделяет высказанного в «Нашем времени» Н. А. Мельгуновым мнения, будто «свобода печати у нас еще долго будет оставаться невозможной или, лучше сказать, не осуществится на деле». Если дела печати будут рассматриваться судом, то, полагает С. Н. Челищев, «печать будет свободна». Предлагаемая правительством мера «поднимет уровень литературы и заставит литераторов смотреть на свое занятие более серьезным образом»⁴³.

Позицию «Библиотеки для чтения» подкрепила статья Д. Ф. Щеглова «Временные правила по делам книгопечатания». Автор рассматривает большинство объявленных положений и в каждом находит черты, позволяющие сделать вывод, сформулированный однажды применительно к одному из них: «Это правило дает литературе

возможность деятельным образом содействовать движению здорового прогресса». Критические замечания касались лишь мелких подробностей. Детального комментирования удостоено лишь второе правило – «не допускать к печати сочинений и статей, излагающих вредные учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии» – «Мы вполне признаем рациональность этого правила по духу и содержанию», но разъяснению подверглось отличие социализма как политико-экономического понятия от собственно политического его содержания⁴⁴.

Нельзя отказать в дельности разбору вводимых правил постоянного в то время сотрудника «Библиотеки для чтения» Е. Ф. Зарина в статье «Печатные льготы по “Проекту устава о книгопечатании”». Постоянный оппонент Н. Г. Чернышевского и направления «Современника» в целом, он отставил в сторону полемические задания, предлагая всерьез задуматься над содержанием правительственной инициативы, к которой, как это видно по всему, он отнесся в целом негативно. Его недоумение вызвал, прежде всего, факт разделения цензурных полномочий между министерством народного просвещения, традиционно ответственным в цензурных делах, но которому оставлено лишь исполнение общей цензуры, и министерством внутренних дел, теперь ответственным за верховное цензурное наблюдение. Наверное, резонно замечает Е. Ф. Зарин, нужно ждать нового проекта от полицейского министерства, однако, убежден публицист, для этого министра «задача неразрешимая. Цензура может быть, а может не быть, но существовать немножко она не может». Развивая эту мысль, Е. Ф. Зарин справедливо утверждал: «Как скоро есть цензура, так цензоры непременно пользуются неограниченной властью. Как скоро эта власть ограничена какой-нибудь легальной, действительной гарантией в пользу писателя, цензуры больше нет; по крайней мере, она становится одною стеснительной формальностью, без всякой внутренней силы, пятым колесом в карете. Уменьшение цензорского и вообще цензурного произвола невозможно; он может быть – или полным или сполна уничтоженным <...>. Литературе может быть увольнение от цензуры или сейчас, или она может быть оставлена в том самом положении, в котором находится теперь, вплоть до осуществления общей судебной реформы». «Комиссия по делам книгопечатания» во главе со статс-секретарем князем Д. А. Оболенским (ее членом от цензуры был тайный советник В. А. Цез), по довольно резкой оценке Е. Ф. Зарина, «не нашла искомой середины. Она имела всю добрую волю доставить литературе некоторые льготы, не освобождая ее вполне от предварительной цензуры. Но так как при цензуре невозможны совершенно никакие льготы, то литература в случае утверждения проекта не только оставалась бы без

всяких льгот, но и очутилась бы в более неблагоприятном положении, чем есть». «Комиссия», «хотя бы намеками», но обязана была пояснить, от чего журналисты «должны воздерживаться, чтобы не подвести своих журналов под запрещение». Между тем «Комиссия» озабочена лишь пресечением пропаганды вредного направления: «Но что такое вредное направление? Для этого вопроса не существует решения; даже не существует исходной точки». «Наша “Комиссия” очень часто ссылается на Англию», однако в других странах, справедливо подмечает автор, «законодательства составлены при обстоятельствах, совершенно не похожих на наши»⁴⁵.

Пример Франции или Англии казался «Отечественным запискам» ошибочным, и сотрудник журнала В. Д. Скарятин отдавал предпочтение Италии в двух больших статьях 1862 г. – «Об изменении цензурного устава» и «Заметки о суде над печатью в Тоскане. Из воспоминаний об Италии». Утверждая, вопреки «Современнику», что «во Франции все основано на штыке», автор убежден: «Правительство наше предпринимает реформу добровольно, по собственной инициативе. Оно, по-видимому, желает дать правильную форму пробуждающейся инициативе самого общества, а потому мы не можем прибегнуть к той форме суда над печатью, которая существует во Франции. Там такой суд сделался горестною необходимостью вследствие неспособности общества отстояться от революционеров». Новые правила несут «истинно-охранительное начало». Важно лишь, чтобы правительство сначала провело судебную реформу⁴⁶, ввело бы суд присяжных над печатью, какой существует, например, в Италии, поскольку, полагал небезосновательно В. Д. Скарятин, «приговоры над печатью тогда только пользуются нравственным авторитетом, когда их произносит само общество в лице своих присяжных»⁴⁷. Нельзя не видеть, что автор явно идеализировал результаты реформы, и впоследствии оказалось, что временная печать с введением карательной цензуры в итоге очутилась в положении едва ли менее неблагоприятном, чем существовала при цензуре предварительной.

Рассмотренные материалы в известной мере раскрывают состояние отечественной периодики и журналистов различной идейной направленности, но, тем не менее, объединенных общим стремлением так или иначе с опорой на общественную поддержку выразить свое представление о создании условий, смягчающих цензурные пути, которые долгие годы держали всех в зависимом положении и происходящих от этого неуверенности и напряженности. Власти в России фатально не умели наладить диалог с обществом и представляющей ее интересами журналистикой, опасаясь ее разрушительной силы. Между тем, по словам Н. Г. Чернышевского в письме к генерал-губернатору А. А. Суворову в конце 1861 г.⁴⁸, большинство журналистов настаивает на «отменении цензуры», которая «не имеет достаточных осно-

ваний при настоящих стремлениях правительства и при чувствах, которые порождаются в обществе этими стремлениями». «Цензура, принося вред обществу, – утверждал Н. Г. Чернышевский, – приносит еще более вреда правительству», и каково бы ни было ее назначение, «она не достигает и ни в каком случае не может достичь своего назначения. <...> Отменение цензуры требуется выгодою самого правительства», и, основываясь на этом, русские литераторы сами способны создать учреждения, которые «могли бы действительнее, нежели цензура, оградить те интересы, охранение которых вверено цензуре, но не достигается ею»⁴⁹. Правительство было неспособно прислушаться к такого рода рекомендациям, ввергнув журналистов и все дело книгопечатания в дальнейшую конфронтацию с государством, чреватую новыми ситуациями неопределенности и риска.

Примечания

- 1 См.: *Стафёрова Е. А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 годов)*. М., 2007. А. В. Головнин возглавлял министерство в 1861–1866 гг.
- 2 ЦГИА СПб. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5977. Л. 1–4.
- 3 См.: *Галенко Б. Семья и потомки Суворова : Биографии ближайших родственников и потомков полководца*. СПб., 2002.
- 4 Воспоминания проф. И. Е. Андреевского. Князь Александр Аркадьевич Суворов // *Русская старина*. 1882. № 3. С. 836.
- 5 ЦГИА СПб. Ф. 777. Оп. 2. № 55. Л. 1.
- 6 Эти имена приводим в архивном перечне : А. Старчевский («Сын Отества»), П. Усов («Северная пчела»), А. Очкин («Очерки»), Ф. Мейер («St. Petersburg Zeitung»), А. Гиероглифов («Русский мир»), Г. Елисеев («Век»), Н. Степанов («Искра»), В. Тимм («Русский художественный листок»), А. Погосский («Солдатская беседа»), А. Краевский («Отечественные записки»), Н. Чернышевский («Современник»), М. Достоевский («Время»), И. Калиновский («Светоч»), А. Писемский («Библиотека для чтения»), Г. Благосветлов («Русское слово»), В. Белозерский («Основы»), Н. Калачев («Архив историко-юридических сведений о России») (Там же. Л. 2, 6).
- 7 См. также: *Сорокин Вл. Воспоминания старого студента // Русская старина*. 1906. № 11. С. 449.
- 8 ЦГИА СПб. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5977. Л. 5.
- 9 Там же. № 5084. Л. 1.
- 10 *Тургенев И.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. М. ; Л., 1960–1968. Т. IV. Письма. С. 37.
- 11 Из воспоминаний Григория Дмитриевича Щербачева // *Русский архив*. 1891. № 1. С. 61.
- 12 См.: *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936 ; *Герасимова Ю.* Из истории русской печати в период революционной ситуации 1850 – начала 1860-х гг. М., 1974 ; *История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. проф. А. В. Западова*. 3-е изд. М., 1973 ; *Есин Б.* История русской журналистики (1703–1917) : учеб.-метод. комплект. М., 2000 ; *Громова Л.* История русской журналистики 18–19 века. СПб., 2003.
- 13 ЦГИА СПб. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5210. Л. 1–4. Впервые «Скрежет зубовный» был напечатан за подписью «Н. Щедрин» в журнале «Современник» (1860. № 1. Отд. I. С. 377–408), ценз. разр. – 21 января. Вероятно, автор пытался напечатать не вошедшие в эту публикацию части, изображающие помещиков. В комментариях к Собранию сочинений этот факт освещения не получил (см.: *Салтыков-Щедрин М.* Собр. соч. : в 20 т. М., 1965. Т. 3. С. 614–615).
- 14 ЦГИА СПб. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5201. Л. 14.
- 15 Там же. № 5391. Л. 1.
- 16 Там же. № 5471. Л. 1.
- 17 Там же. № 5272. Л. 1, 2, 5, 13.
- 18 Там же. № 5280. Л. 1–9.
- 19 *Наше время*. 1860. № 32.
- 20 См.: ЦГИА СПб. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5561. Л. 14.
- 21 Там же. № 5425. Л. 5 об., 8.
- 22 Прежде Ф. И. Рахманинов служил редактором отделения Департамента министерства юстиции. Перемещение его на цензорскую должность состоялось 15 января 1860 г. (ЦГИАЛ. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5073. Л. 5 об.).
- 23 По докладной записке от 1 марта 1860 г. членов Главного управления цензуры А. А. Берте, А. Г. Тройницкого и А. В. Никитенко о распределении между ними периодических изданий для наблюдения за их цензурованием журналы были расписаны следующим образом: А. А. Берте – «Современник», «Библиотека для чтения», «Военный сборник», «Сын Отечества», «Иллюстрация»; А. Г. Тройницкий – «Русский вестник», «Московские ведомости»; А. В. Никитенко – «Русское слово», «Светоч», «Отечественные записки», «С.-Петербургские ведомости», «Искра», «Наше время», «Солдатская беседа» (ЦГИАЛ. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5117).
- 24 *Чернышевский Н.* Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1939–1953. Т. XIV. С. 405, 415, 421.
- 25 Первоначально на эту должность тогдашний министр народного просвещения прочил И. А. Гончарова, но Александр II 14 января 1860 г. утвердил не его, а Н. В. Медема (ЦГИАЛ. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5084). Он имел чин генерал-лейтенанта (с 1845 года), служил председателем военного цензурного комитета (Там же. № 5792).
- 26 ЦГИАЛ. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5571. Л. 1.
- 27 Там же. № 5607. Л. 1–4.
- 28 *Записки Петра Кононовича Менькова : в 3 т.* СПб., 1898. Т. 2. С. 300.
- 29 ЦГИАЛ. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5835. Л. 8–9.
- 30 См.: *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ. СПб., 1904. С. 59–82.
- 31 *Современник*. 1861. № 3. Отд. I. С. 139.
- 32 Там же. № 9. Отд. I. С. 50.
- 33 ЦГИАЛ. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5977. Л. 27 об.–28.
- 34 См.: *Герасимова Ю.* Из истории русской печати в период революционной ситуации 1850 – начала 1860-х гг. М., 1974. С. 121.
- 35 С.-Петербургские ведомости. 1862. № 55. С. 243.

- ³⁶ См. также: Мнения разных лиц о преобразовании цензуры. СПб., 1862.
³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 773. Оп. 1. № 96. Л. 1–13.
³⁸ Современник. 1862. № 3. Отд. I. С. 60–61, 64.
³⁹ Там же. С. 200–201.
⁴⁰ Там же. 1863. № 1. Отд. II. С. 413.
⁴¹ Там же. С. 1, 2.
⁴² Там же. 1863. № 4. Отд. II. С. 591.
⁴³ Библиотека для чтения. 1862. № 3. Современная летопись. С. 84, 98.

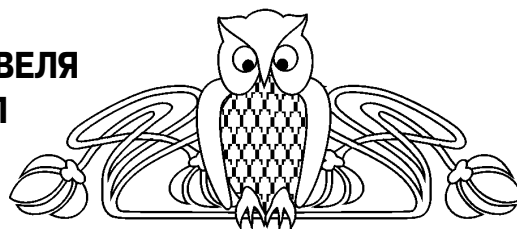
- ⁴⁴ Там же. 1862. № 6. Современная летопись. С. 215, 223–225.
⁴⁵ Там же. 1863. № 2. Современная летопись. С. 69–71, 79–80, 91.
⁴⁶ Отечественные записки. 1862. № 4. Современная хроника. С. 205–206, 212–213, 215
⁴⁷ Там же. 1862. № 6. Отд. 1. С. 439.
⁴⁸ См.: Чернышевский Н. Указ. соч. Т. I. С. 850.
⁴⁹ Там же. С. 720–721.

УДК 821.111.09-311.6+929 [Мантел+Кромвель]

ОЦЕНЩИК РИСКОВ: ОБРАЗ ТОМАСА КРОМВЕЛЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ХИЛАРИ МАНТЕЛ

И. В. Кабанова

Саратовский государственный университет
E-mail: ivk77@hotmail.com

Образ Томаса Кромвеля в исторической прозе Хилари Мантел рассматривается как воплощение идеи рационального контроля социальных рисков. Выявляется эволюция образа от ценностей становящейся буржуазии в сторону ценностей феодальных. Анализируется художественное мастерство Мантел-психолога.

Ключевые слова: Хилари Мантел, Томас Кромвель, исторический роман, абсолютизм, буржуазное сознание, риск.

«An Eye for Risk»: Thomas Cromwell in Hilary Mantel's historical novels

I. V. Kabanova

The figure of Thomas Cromwell in the first two parts of Hilary Mantel's trilogy is seen as the embodiment of the idea of efficient risk control. Cromwell's evolution from the value system of the rising bourgeoisie towards old feudal ways is traced; Mantel's mastery in psychological characterization analyzed.

Key words: Hilary Mantel, Thomas Cromwell, historical novel, absolutism, bourgeoisie, risk.

Две первых части трилогии Хилари Мантел (род. в 1952 г.) о Томасе Кромвеле удостоились Букеровской премии соответственно 2009 и 2012 гг. Третья часть, «Зеркало и свет» («The Mirror and the Light»), должна появиться в 2014 г. Это не первое обращение английской романистки к жанру исторического романа: «Более безопасное место» («A Place of Greater Safety», 1992), ее пятая по счету книга, была посвящена Великой французской революции. Романы писательницы на современном материале получали высокие оценки рецензентов, но мировое признание пришло к ней, когда она обратилась к истории Томаса Кромвеля, первого министра короля Генриха VIII Тюдора.

Критика не скупится на восторженные похвалы мастерству Мантел. Первая часть трилогии, «Волчий зал» («Wolf Hall», 2009), получила множество литературных премий, права на перевод проданы более чем в 30 странах мира. Современ-

ный читатель, залпом проглатывающий книгу в 600 страниц и требующий продолжения, – это само по себе из ряда вон выходящее явление.

Присуждение второго Букера подряд второму роману, пока не переведенному на русский язык, «Подать тела» («Bring Up the Bodies», 2012), вознесло Мантел на вершину современной английской литературы. Председатель жюри сэра Питер Стотхард на вручении премии сказал: «Мы очень горды тем, что читаем на английском языке в то время, когда она на нем пишет. За последние годы я не знаю ни одного другого писателя, который столь совершенно контролировал бы то, что он делает, подобно певцу или пианисту»¹. Мантел стала первой женщиной, получившей две Букеровские премии, что удавалось только двум живым классикам – южноафриканцу Дж. М. Кутзее и австралийцу Питеру Кэри.

История «Тюдоровской революции» – отпадения Англии из-под власти католической церкви в 1530-х гг., экспроприация монастырей в пользу короны, скандальная драма короля Генриха VIII, сменившего шесть жен в попытке обзавестись наследником престола, – хорошо знакома современной публике прежде всего по телесериалам. Секретарь короля Томас Кромвель (1485? – 1540) традиционно предстает в историографии и английской литературе как главный злодей английской Реформации, ответственный за казнь Томаса Мора и епископа Фишера, Анны Болейн, за разгон монахов, как беспринципный слуга безнравственного монарха. Таким он обрисован в трилогии Ф. М. Форда «Пятая королева» (1906–1908), а в драме Роберта Болта «Человек на все времена» (1960; экранизация 1966) Кромвель уже в перечне действующих лиц заявлен как «интеллектуальный головорез», чье «самоумнение способно породить ужасные преступления во имя эффективного действия», и по ходу пьесы он раскрывается как